

«Я считаю, что эта книга — первая попытка повернуть в другую сторону движение мысли, которое происходит с самого зарождения философии... В высшей степени гениальная книга». — К. С. Льюис

ИЕРАРХИЯ НЕБА И ЗЕМЛИ

НОВАЯ СХЕМА ЧЕЛОВЕКА
ВО ВСЕЛЕННОЙ

Д. Э. ХАРДИНГ

Дуглас Хардинг

**Иерархия Неба и Земли. Том
V. Часть VI. Новая схема
человека во Вселенной**

«ИД Ганга»

2021

УДК 294.321
ББК 86.35

Хардинг Д.

Иерархия Неба и Земли. Том V. Часть VI. Новая схема человека во Вселенной / Д. Хардинг — «ИД Ганга», 2021

ISBN 978-5-907658-36-3

«Иерархия Неба и Земли» — фундаментальный труд Д. Э. Хардинга (1909-2007), представляющий собой революционный вклад в новую космологию. Проведя самостоятельное исследование, применяя к себе научный метод, в Центре, Хардинг обнаружил, что был пуст, лишен материи, лишен ума — однако эта пустота была осознающей и включала в себя все. И хотя идея центра предполагала некую точку, исследование показало, что это центральное сознание повсюду и наводняет жизнью каждый уровень вселенной. Для других он был многослойной системой видимостей, окружающих непостижимую тайну, а для себя самого он и был той тайной, тем невидимым корнем, из которого произрастает Вселенная, — Вселенная, которая очень отличается от нашей версии, созданной «здравым» смыслом, устроенная иерархически. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 294.321
ББК 86.35

ISBN 978-5-907658-36-3

© Хардинг Д., 2021
© ИД Ганга, 2021

Содержание

Часть V	6
Глава XVIII	7
1. Моя человеческая история	9
2. Симметричное восстановление времени	10
3. Симметричное восстановление времени на практике	13
4. Семь возрастов человека	15
5. Смерть в будущем	16
6. Смерть в прошлом	19
7. Смерть в обществе: индивид и сообщество	20
8. Обычай	24
9. Физическое постоянство	28
10. Психическое постоянство – память и цель	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дуглас Хардинг
Иерархия Неба и Земли. Том IV. Часть
V. Новая схема человека во Вселенной

Дуглас Хардинг (1909–2007) – английский философ, который разработал современную карту нашего места во вселенной

D. E. HARDING

THE HIERARCHY OF HEAVEN AND EARTH

A NEW DIAGRAM OF MAN IN THE UNIVERSE

A REPRODUCTION OF THE ORIGINAL

TYPESCRIPT

Перевод с английского А. Никулиной

Рисунки автора

© The Shollond Trust, 2021

© ООО ИД «Ганга». Перевод, издание на русс, яз, оформление, 2023

Часть V

*Прежде чем штурмом возьму я с бурей силы
престолы, владения древних,
Прежде чем древние чары меня увлекут бродить в
небесах, в звездной дымке,
В путь я отправлюсь, как тот, кто пожал
урожай, что дарован землею;
Пусть в сердце живет сострадание; и мудрость
чело украшает.*

– А. Е., *Любовь (Collected Poems, p. 153)*

*Имеющий тело, способное к весьма многим действиям, имеет
душу, наибольшая часть которой вечна.*

– *Спиноза, Этика, V. 39¹*

*Словно детство, юность и старость к воплощенному здесь
приходят, так приходит и новое тело: мудреца этим не озадачить...
неизбежно умрет рожденный, неизбежно родится умерший.*

– *Бхагавадгита, II. 13,27²*

*Чудище плотской смерти обращается в блаженную смерть
самости, если так захочет дух, или, вернее, если дух наш даст Святому
Духу добровольно умершего Бога совершить в нас это превращение. Это
– спасение, ибо для падшего человека телесное бессмертие было бы
ужасным.*

– *К. С. Льюис. Чудо³*

В родстве с премудростью – бессмертие.

– *Книга Премудрости Соломона, 8:17*

*Жить устремлениями собственной природы означает смерть, а
устремлениями Духа – жизнь и мир.*

– *Рим. 8:6*

Неведение о Нем – смерть.

– *Климент Александрийский, Кто из богатых спасется, VIII*

*Люди почитают истину далекой, находящейся на краю системы,
за самой дальней звездой, до Адама и после последнего человека.... Но
все эти эпохи, места и случаи здесь и сейчас. Сам Бог полноценно
проявляется в настоящем и не станет божественнее по прошествии всех
веков.*

– *Торо, Уолден, Для чего я жил*

¹ Пер. Н. А. Иванцова. – Прим. пер.

² Пер. В. С. Семенцова. – Прим. пер.

³ Пер. Н. Л. Трауберг. – Прим. пер.

Бог сотворил сердца за семь тысяч лет до тел и держал их в месте близком от Себя, и Он сотворил духов за семь тысяч лет до сердец и держал их в саду близкой дружбы с Собой, а совесть, сокровеннейшую часть, Он сотворил на семь тысяч лет раньше духов и держал её в состоянии единства. Затем Он заточил совесть в дух, дух в сердце, а сердце в тело. Затем Он испытал их... и каждая часть стала искать своего места. Тело занялось молитвой, в сердце вошла любовь, дух достиг близости [к Богу], а сокровеннейшая часть обрела покой в единении с Ним».

– Амр ибн Утмин ил-Мукки. (Margaret Smith, *Studies in Early Mysticism in the Near and Middle East*, p. 201)

*Я плохо помню, как нашел дорогу домой в ночи.
Вокруг меня, слева и справа были свидетели,
воинства,
Ангелы, силы, невыраженное, незримое, живое,
знающее...
И ночные звезды, полнясь чувством, дрожали и
извергали
Пламя – острую боль затаенного знания: но я не
лишился чувств,*

*Ибо Рука до сих пор толкала и подпирала меня,
подавляла....
Этот мятеж, гася его тихим, священным
заветом,
Пока восторг не затворился в себе и землю не
окутал покой.*

– Бриунинг, «Сиул», XIX

Глава XVIII

Автобиографическая – человеческая фаза

Быть молодым, затем постареть и, наконец, умереть, – крайне посредственная форма существования для человека; на это способно любое животное. Задача же, которая стоит перед людьми, – объединить разные этапы жизни в одном моменте.

– Кьеркегор, *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»*

Ибо если я смотрю исключительно на себя, я совершенное ничто; но уповаю, что в общем Теле я нахожусь в единстве милосердия со всеми братьями-христианами. Ведь на этом единстве зиждется жизнь всего человечества, которое ожидает спасения.

– Юлиана Нориджская, *Откровения божественной любви*, II

*Не для того произведен ты на свет матерью и
отцом,*

*чтобы стать прахом, но для того, чтобы стать
Личностью,
Не для того ты рожден, чтобы стать человеком
нерешительным,
но чтобы принимать решения,
Зерно личности долго созревало в тебе и наконец
взошло
и обрело форму,
Отныне и навсегда ты в безопасности,
что бы с тобой ни случилось.
Долго сучили нить, пока наконец уток не переплел
основу,
прочен рисунок ткани.
Все приготовления были продуманы, взвешены,
Долго настраивался оркестр,
но вот взлетела дирижерская палочка.
Желанный гость, которого так долго ждали,
устроен в доме.*

– Уолт Уитмен, «Мысли о времени»⁴

*Чтобы вести беседы с миром духа
И поколениями бесчисленных людей,
Вбери сейчас, тогда, и то, что будет
За эру эрой, пока Время не пройдет.*

– Вордсворт, Прелюдия, XIV

*Я думаю о Теодоре Бадале, который был семьюдесятью тысячами
ассирийцев и семьюдесятью их миллионами, был самой Ассирией, о
человеке, стоявшем в парикмахерской в Сан-Франциско в 1933 г.,
который при этом был целым народом.*

**– Уильям Сароян, «Семьдесят тысяч ассирийцев», Отважный
юноша на парящей трапеции**

*...Я говорил,
Что прошлый опыт, снова обретший смысл,
Не только опыт одной жизни, но опыт
Поколений и поколений...*

– Т. С. Элиот, Драй Селвэйджес⁵

*Покой – безмятежная деятельность, источник которой – знание
о том, что наши «души» иллюзорны и их творения безумны, что все
существа потенциально едины в вечности.*

– Олдос Хаксли, И после многих весен

⁴ Пер. Р. Сефа. – Прим. пер.

⁵ Пер. С. Степанова. – Прим. пер.

*Душа, как и физический эмбрион, в своей эволюции повторяет
духовную историю жизни народа.*

– Эвелин Андерхилл, Мистицизм (Mysticism, p. 118)

1. Моя человеческая история

Я есть нечто, что происходит во времени. Поэтому вопрос «Кто я?» становится вопросом: «Какая у меня история?» Я есть история своей жизни – по меньшей мере. Любой ее день, любой час, прошлый или будущий, является частью целого. Наблюдатель, который не может одним взором окинуть мою зрелость, детство и старость, находится в таком же незавидном положении, как тот, кто не может сразу увидеть мое лицо.

Временные срезы людей, которые мы делаем, не только абстрактны и в этом смысле «нереальны»; они также крайне опасны, за пределами своей крайне узкой сферы действия. Совершать сознательные преступления против людей куда проще, когда их можно заклеить «обывателями», «скупцами», «личными врагами» или свести к набору цифр. «Помни, что он чей-то сын» – возможно, эти слова звучат банально, но подобный призыв к конкретике совершенно необходим.

Лишать меня времени так же губительно, как и лишать пространства, поскольку в основе они едины. Это не дело – вырезать из моего жизненного пути значительный кусок. Ведь (1) я обладаю такой же протяженностью, что и поле моих целей: их пространственно-временной узор (корни которого ветвятся в прошлое, а ветви дают побеги в будущее) – это органичный узор моей жизни, то живое целое, с точки зрения которого сиюминутная пространственная структура моего тела – бескровная и бесплодная абстракция. И, по сути, вопрос о том, что входит в мое тело, а что находится снаружи, можно решить только с учетом моей жизненной цели. Ради чего я есть (в обоих смыслах этого выражения) – ключ к пониманию того, кто я есть. (2) Я нуждаюсь в объяснении, а объяснение предполагает восстановление потерянного времени. Тело и разум останутся совершенно необъяснимыми, пока мы не увидим их в исторической перспективе. Я полон времени: уберите все, что отсутствует в этом математическом моменте, и смысл исчезнет – или, скорее, нечего будет осмыслять⁶. (3) Половина жизни – это лишь половина человека: мы развиваемся не просто до возраста зрелости, но до целой человеческой жизни, где все ее возрасты объединяются⁷. Но чаще всего мы довольствуемся фрагментарными эпизодами и называем их людьми. Оказавшись в середине второго Акта жизни другого человека и услышав несколько реплик, я почему-то пребываю в иллюзии, что видел всю пьесу целиком. Созерцая свою пьесу в настоящем, я лелею мысль о том, что она почти не связана со сценами моего детства и старости; хотя на самом деле все три возраста составляют единство столь же неделимое, как единство моего собственного тела. (4) Так или иначе, я испытываю непреодолимый интерес к моему прошлому и судьбе. Это важная часть моего существа – забота о том, кем я был и буду. Я жажду узнать, откуда возникла эта путаница во II Действии и чем все обернется в конце. Потерять интерес – значит перестать жить; проявлять слабый интерес – значит быть едва живым.

⁶ Ср. Royce, *The World and the Individual*, i. pp. 404 ff.

⁷ Словами Уайтхеда, «пока не умер человек, и не разрушилась земля, не существует определенного ядра, которое в без- условном смысле является либо человеком, либо землей». *Adventures of Ideas*, XIII. 3. Но стоит добавить, что когда мы пред- восхищаем смерть человека и планеты и вспоминаем их детство, они обретают завершенность в нас *сейчас*.

2. Симметричное восстановление времени

Тогда проблема состоит в том, чтобы восстановить то время, которое здравый смысл постоянно отбирает у меня. Вокруг Теперь должен происходить симметричный рост. Как живой центр безжизненного временного простора, как микроскопический фермент, который заквасит все вещество, настоящее должно продвигаться в прошлое и будущее, пока все время не станет настоящим⁸. Оно напирает в двух направлениях: оно движется в сторону будущего, вместе со временем, и в сторону прошлого, против времени.

«Эмпирически прошлое всегда возникает из настоящего, а не настоящее из прошлого, – пишет Э. А. Бертт., – Мир, явленный эмпирически, всегда начинается в настоящем и остается в нем, вмещающая прошлое и будущее. Это может показаться поразительным парадоксом – но противоположный взгляд поразил бы нас куда больше, не погрузись мы в свои привычки мышления настолько, что и не думаем сомневаться в них... Реальная эволюция, или эволюция, которая открывается в опыте, не есть движение из прошлого в настоящее и будущее (сам этот процесс – абстракция, производная от хода реальной эволюции), это эволюция из настоящего одновременно в прошлое и будущее». *Real and Abstract Evolution, Proceedings of the Sixth International Congress of Philosophy*, p. 172. Эта важная статья целиком касается моей нынешней темы.

Обратите внимание, я не предлагаю исходить из некой фиксированной отправной точки в прошлом моей жизни и от этой даты продвигаться вперед в «истинном» хронологическом порядке. И я не делаю этого по трем причинам: (i) я не смогу обнаружить ни своего реального дня рождения, ни однозначного начала, с которого можно вести отсчет, и поэтому любая выбранная мной дата будет произвольной; (ii) моя история в том виде, в котором я ее знаю, представлена сейчас, а затем проецируется в другие модусы времени.

Олаф Стэплдон (*Philosophy and Living*, p. 411) предположил, что «лучи» индивидуального разума могут путешествовать по системе времени в разных направлениях, порой противоположных направлению нашего пути, и тогда мы воспринимаем Вселенную задом наперед. Ср. С. Е. М. Joad, *Guide to Philosophy*, pp. 219 ff. Также F. H. Bradley, *Appearance and Reality*, pp. 214 ff.

В моем опыте не существует ни базовой линии, ни точки отсчета, но есть момент Теперь, из которого я вспоминаю и планирую. Почему я должен пытаться вести отсчет от рождения или смерти, которые испытываю не я, а другие, и которые в любом случае не есть мое начало или конец? (iii) Моя реальная организация во времени и режим моего функционирования во многих важных аспектах располагаются симметрично вокруг этого центрального момента опыта. Бесчисленные цепочки причинно-следственных связей, исходящие из Теперь, делают мое будущее и прошлое живым целым: мое настоящее – шея, которая соединяет две половины целого, а не топор, который их разрубает. В конце концов, это всем известно: ребенок – отец человека; что посеешь, то и пожнешь; как аукнется, так и откликнется. Наше прошлое объясняет наше будущее. В конечном счете они едины.

Наверное, я сказал достаточно, чтобы прояснить, что в этом исследовании правильный подход к моей истории предполагает симметрию, поскольку такой подход соответствует фак-

⁸ «Понимание прошлого и будущего, – говорит Стаут (*Manual of Psychology*, p. 515) — ...предполагает отправную точку в непосредственном чувственном опыте данного момента; а также идеальное конструирование в двух направлениях – с одной стороны, в направлении того, что предшествовало, с другой, в направлении того, что последует, актуального *сейчас*».

там. Но есть серьезное затруднение. Если я мысленно возвращаюсь из настоящего в прошлое, разве я не обращаю время вспять и разве такое обращение не причиняет фактам куда больше ущерба, чем любая однонаправленная хронология? «Например, сейчас... есть Послани- ник короля. Сейчас он в тюрьме, отбывает наказание: а суд не начнется еще до следующей среды: и, конечно, преступление произойдет в последнюю очередь». – В Алисе в Зазеркалье и Сильви и Бруно Льюис Кэрролл познакомил публику с этой идеей. Жить наоборот – значит с каждым днем становиться моложе, выплевывать еду, есть свои слова, раздумывать свои мысли, рождаться из гроба и умирать в утробе. Я совершаю миллион неблагоприятных поступков, и среди прочего тщательно собираю чернила, которыми пишу это предложение, на кончик своего пера и переносу их в чернильницу. Еще больше тревожат нравственные последствия⁹. Головорез творит чудеса исцеления, вор тайком проявляет щедрость, Иван Грозный и Жиль де Ре – олицетворения доброты. С другой стороны, святые оказываются злыми чудовищами, сеющими всюду несчастья¹⁰. Короче говоря (подсказывает здравый смысл), обращение времени вспять приводит к самым разным абсурдным ситуациям.

Но стоит кое-что сказать и в поддержку этой позиции. Физику (когда она не изучает процесс организации и случайность) не интересует направление стрелы времени – она может указывать в любом направлении¹¹. И теория относительности, в которой «до» и «после» зависят от положения наблюдателя и его поведения, по всей видимости, санкционирует обратимость времени. Знаменитое приключение юной леди Брайт¹², конечно, весьма фантастично, но важно то, что мы можем вообразить себе ее опыт, а воображение – не пустое дело. Мы можем, в духе обращенной битвы на Марне Нордмана, Vier Paradoxa Фехнера, или некоторых разделов Машины времени Г. Уэллса, представить, что события происходят в обратном порядке¹³. В конце концов, фильмы иногда демонстрируют наоборот и проигрывают так грампластинки; музыкальное сочинение превращают в палиндром; стихи¹⁴ читают с конца (как делал г-н К. К. Огден из Королевского института в декабре 1928 г.); более важным является тот факт, что некоторые иногда говорят наоборот, хотя и не намериваются¹⁵. То, что мы можем (пусть редко и на короткое время) так обратить цепочку событий, говорит нам кое-что об их природе: в некотором смысле они реально обратимы. Но здесь мы не можем развивать эту увлекательную тему.

⁹ Конечно имею в виду нравственные последствия точки зрения этого мира, с привычным для него направлением времени; обращенное время изменило бы наши моральные суждения, обратив исходные данные. Никакие события, кроме «психических», не получится обратить вспять. Если бы «Алиса в Зазеркалье» была философским трактатом, эпизоды «жизни задом наперед» из V главы были бы совершенно нелогичными: Белая Королева должна была бы говорить и думать в обратном направлении.

¹⁰ Такое обращение ценностей в обычае произнесения молитвы «Отче наш» задом наперед, что ведьмы используют (якобы) в качестве заклинания.

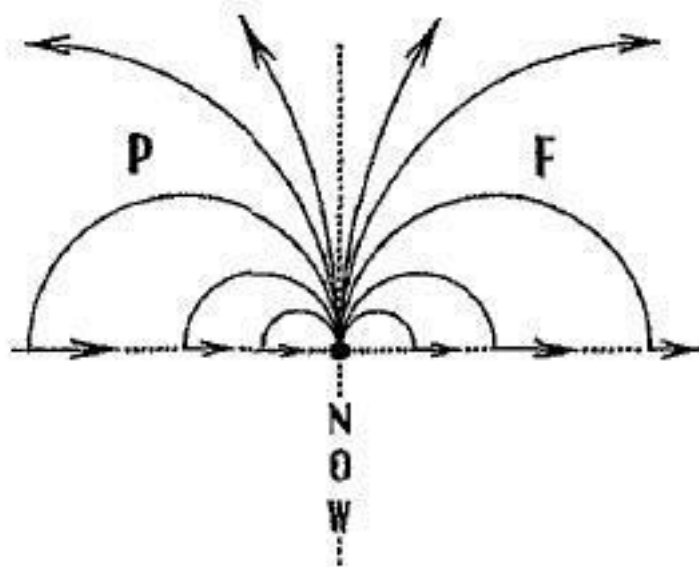
¹¹ Ср. Eddington, *The Nature of the Physical World*, pp. 68-9.

¹² Жила-была девушка Брайт юных лет. Она двигалась куда быстрее, чем свет; Однажды ушла она прочь, Следуя принципу относительности, И вернулась прошлой ночью.

¹³ Ср. с долиной высохших костей из книги Иезекииля. Некоторые учения о телесном воскресении предполагают буквальное обращение времени вспять. Донн, например (Проповедь в соборе Святого Павла, 9 апреля 1626 г.), изображает как Бог собирает прах каждого человека, воссоздает из него тело и, наконец, оживляет его. В детстве мне подарили нравоучительную книгу, где в мельчайших подробностях и совершенно серьезно описывалось, что произойдет в момент Второго пришествия; особенно мне запомнился череп, который пробил стеклянную витрину музея, спеша воссоединиться с остальными частями тела.

¹⁴ Напр., додекафоническое адажио Берга (камерный концерт).

¹⁵ Macdonald Critchley, *Mirror Writing*.

Подпись на рис.:
Сейчас

Конечно, я привык видеть в прошлом не такой мир-бессмыслицу, все ценности которого перевернуты вверх дном. Тогда как именно я вспоминаю о прошлом? Я совершаю серию прыжков назад. Я, скорее, «мысленно бросаюсь» в прошлое, чем планомерно продвигаюсь к некому прошлому событию. Вспоминать о прошлом – значит не столько бежать вниз по восходящему эскалатору, сколько прыгать по нему, перемахивая несколько ступеней за раз и останавливаясь, чтобы восстановить дыхание. Или (возьмем другую метафору) представьте, будто рыба движется вверх по реке, не противостоя течению: она не плывет против него, но вместо этого выпрыгивает из воды, некоторое время дрейфует по течению, а затем прыгает вновь. Таким манером, то ныряя во время, то взмывая над ним, она приходит к истоку, хотя не сопротивляется волнам. Обращение к будущему во многом происходит так же: я живу в потоке и парю над ним. Находясь внутри него, я подчиняюсь его ходу; будучи над ним, я свободен в своем движении. И все свои вылазки я совершаю из этого центрального Теперь, которое находится между истоком реки и ее устьем. Это моя опора, и линии моего взаимодействия всегда проходят через нее. В каком-то смысле я никогда не покидаю ее, но лишь отправляю наружу проекции.

Мой тезис состоит в том, что эти проекции, или вылазки, не просто более-менее симметричны: при этом они половины целого. То, что Бердяев¹⁶ говорит о философии истории, верно и в отношении моей личной истории: это «пророческое толкование и прошлого, и будущего», которые нужно объединить. «Разрыв между ними повергает нас во тьму, делает для нас недоступным восприятие исторического процесса. Этот разрыв совершается всеми теми, которые чувствуют себя оторванными от великого исторического прошлого и не ведают великого исторического будущего... Только пророческое отношение к прошлому в истории приводит ее в движение, так же как пророческое отношение к грядущему связывает его с настоящим и про-

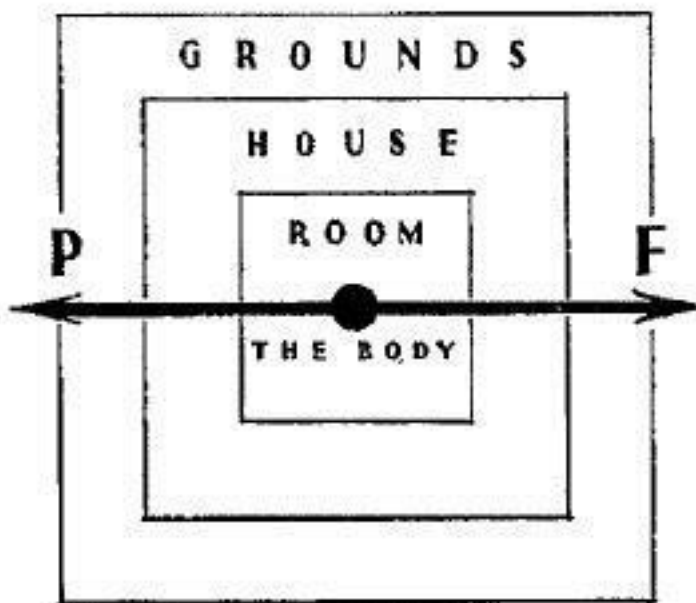
¹⁶ Бердяев во многом опирался на учение Федорова о всеобщем воскрешении. «Воскрешение противоположно прогрессу, который примиряется со смертью всех поколений. Воскрешение есть обращение времени, активность человека в отношении к прошлому, а не к будущему только. Воскрешение противоположно цивилизации и культуре, которые цветут на кладбищах и основаны на смерти отцов... У Н. Федорова энергия пола превращается в энергию, воскрешающую умерших отцов». Бердяев, *Русская идея*.

шлым в каком-то внутреннем полном духовном движении»¹⁷. В этой части книги меня интересует именно такое двустороннее пророчество¹⁸.

3. Симметричное восстановление времени на практике

Остаются некоторые сомнения. Разве всевозможные исторические хроники, биографии, хронологии не начинаются с первоисточков, не добираются до недавнего прошлого, а затем не переходят к прогнозам? И разве так не происходит в самой жизни? Считать, что все события расходятся из моего Теперь, словно этот момент времени является совершенно особым, осью мировой истории – конечно же, значит переоценивать мою значимость. Если рассматривать время объективно, это (согласно здравому смыслу) огромная река с плавным течением, где мое подражание лососю будет случайностью.

Но *правда* ли оно случайно? Я вынужден предположить, что тот способ, которым время разворачивается во мне и для меня, – типичный способ его разворачивания во всех других индивидах и для них; различия связаны с временным масштабом, а не базовым процессом. Не существует времени помимо опыта времени, который нужно принимать таким, каким он является. Более того, я нахожу этот опыт не только на одном уровне – при определенных условиях я могу выяснить, как идет время на всех уровнях иерархии. Никогда нельзя забывать, что мой настоящий момент – центр времени не только млекопитающего, но галактики и звезды, а мои вылазки из него в прошлое и будущее принадлежат не только человеческому, но и надчеловеческому и дочеловеческому уровню. Неважно, какие хронологии я затем выстрою, первичным параметром на любом уровне является концентрическое, или симметричное, время. И эта первичная, естественная конфигурация времени сохраняется как практическая основа, форма поведения. Она работает.

Подпись на рис. (сверху вниз):

¹⁷ Смысл истории. Ср. Кьеркегор, *Заключительное ненаучное послесловие*.

¹⁸ В книге Дени Сора *Смерть и мечтатель* (*Death and the Dreamer*, p. 79 ff.) мы встречаем любопытную идею о том, что время запустилось в момент Воплощения и из этого центра разворачивается симметрично в прошлое и будущее, так что события 200 г. до н. э. совпадают с событиями 200 г. н. э. и т. д. Время подобно удару гонга – оно движется вовне в обе стороны, а не идет слева, проходит через гонг и движется вправо.

Земельный участок, Дом, Комната, Тело (Р – прошлое, F – будущее)

Сейчас я рассматриваю человеческий уровень: потому хотел бы на этом уровне проиллюстрировать, что в практических вопросах мы вольно обращаемся со временем – движемся в прошлое и будущее, но не обращаем время вспять. Какого-нибудь человека нашли застреленным. Детектив рассуждает так: с учетом состояния трупа и характера раны выстрел, должно быть, произвели оттуда в такое-то время; поскольку в помещении есть такие-то проемы, убийца мог войти только через это окно; судя по наружной территории, следам, заборам, он, должно быть, вошел с дороги в этом месте и, предположительно, в такое-то время... и так далее, он движется все дальше в прошлое и ко все более широкому полю действий, где можно выявить мотив поступка. Но такой взгляд в прошлое должно уравнивать равноценное прогнозирование

будущего. Какие выгоды получает убийца? Как он избавится от оружия или распорядится своей прибылью? Как он будет действовать дальше, когда и в отношении кого? Короче говоря, в случае детектива однонаправленная хронология неприемлема – она может присутствовать разве что в форме его финального отчета, а также как теоретическая основа его практики. Сама его деятельность протекает по совершенно другому плану¹⁹.

Детективы – не какие-то особые люди: они просто целенаправленно делают то, что другие делают невзначай. Как я обращаюсь к мыслям о своем детстве? Какое-нибудь настоящее событие – слово, книга, старая мелодия, запах – «возвращает меня» в прошлые годы. Как я начинаю задумываться о своей старости? Какие-нибудь текущие стимулы – страховой агент, появление новой седины, ревматизм – побуждают меня взглянуть в будущее. Опорный пункт всех моих погружений во время – Теперь²⁰, независимо от области исследования – это может быть моя история в качестве человека, Человечества, или Жизни, или какого-то еще более обширного временного региона. Хронология школьного учебника истории таит в себе гигантские, непрерывные скачки назад, которые позволяют историку отвоевывать свои обзорные пункты в далеком прошлом; еще труднее заметить их незаменимого двойника – гигантские, непрерывные скачки вперед, которые позволяют пророку и святому, реформатору и, на секунточку, всем мыслящим людям достигать столь же отдаленных пунктов в будущем. Однонаправленная биография крайне несовершенна. В таком случае мы произвольно выбираем точку начала и конца; поддерживаем ошибочные представления о смертности и бессмертии; искусственно разделяем организм с окружающей средой; поощряем свою разрушительную склонность к отречению от индивидуального и родового прошлого²¹; игнорируем обязательную симметрию своей и любой другой истории и не выявляем истинного единства прошлого и будущего²². В этой и последую-

¹⁹ Следствия определяют посылки в такой же мере, что и посылки – следствия, пусть и иным образом. Жертва *сейчас* требует убийцы *в прошлом* и плана, как поймать его *в будущем*. Как указывает Стаут (*Manual of Psychology*, pp. 515–516), проницательное предвидение будущего всегда остается первичной практической потребностью, и оно должно направляться исследованием прошлого, но в качестве стимула иметь настоящее.

²⁰ Ср. со словами Джона Дьюи: «Разрыв, который лишает историю жизненной силы, – это обособление от настоящего состояния и проблем социальной жизни. Прошлое просто как прошедшее больше нас не занимает. Если оно совершенно ушло и не касается нас, мы сможем относиться к нему только разумно. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Но знание о прошлом – ключ к пониманию настоящего. История занимается прошлым, но это прошлое предстает как история настоящего... Прошлые события нельзя отделить отживого настоящего и сохранить их смысл. Подлинная начальная точка истории – это всегда ситуация в настоящем с ее проблемами». *Democracy and Education*, pp. 250–251.

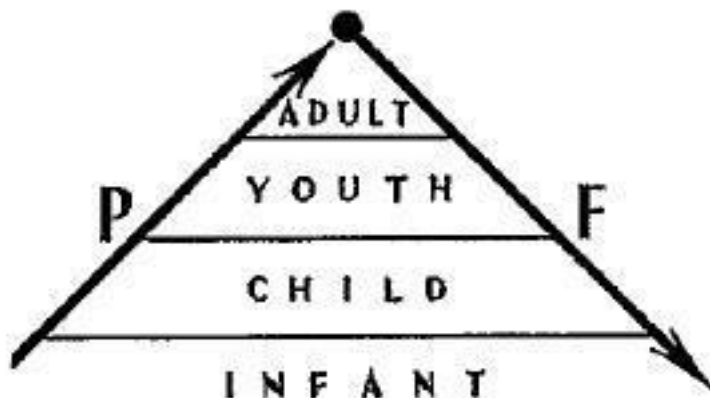
²¹ Представления о саморазвитии, как говорит г-н Т. С. Элиот в стихотворении *Драй Селвэйджес*, это: «...идея, рожденная наивными взглядами на эволюцию, которые служат обычным средством навсегда отречься от прошлого».

²² «Когда нашей задачей становится научный процесс, а не экзистенциальная одновременность, в жизни возникает путаница. Даже там, где есть явная последовательность, как в случае разных возрастов одной личности, задача состоит в том, чтобы достичь одновременности». Кьеркегор. *Заключительный неаучный постскриптум*. И эта одновременность, привлекающая в настоящее прошлое и будущее, носит симметричный характер: она обращается к обоим направлениям.

щих главах я надеюсь прояснить, что многое говорит в пользу двунаправленного метода жизнеописания. Последним испытанием станут результаты этого метода.

4. Семь возрастов человека

Когда я восстанавливаю эту границу времени, которую постоянно подрезает здравый смысл, что я нахожу – в самых простых словах?

Подпись на рис. (сверху вниз):

Взрослый, Юноша, Ребенок, Младенец

(P – прошлое, F – будущее)

Глядя в одном направлении, сначала я вижу взрослую жизнь со всем спектром ее опыта, полнотой ответственности, полноценным развитием сил ума и тела; затем следует юность, где все эти возможности в какой-то мере сужаются; затем детство и младенчество, где мои возможности становятся все более ограниченными; и, наконец, я погружаюсь в забытие утробы. Глядя в другом направлении, я вижу, что – в общих чертах – повторяется тот же ряд. После взрослой трудовой жизни следует возраст активной старости, который я назвал бы второй юностью, поскольку здесь поле деятельности сужается, сокращается ответственность, снижается умственная и физическая продуктивность; затем наступает второе детство, где все эти тенденции усиливаются, потом идет второе младенчество и, наконец, забытие.

«Я в этот день рожден. И срок истек.
Где начал я – так кончу. Жизнь моя
Прошла свой круг».

Юлий Цезарь, V. 3.

(Пер. И. Б. Мандельштама. – Прим. пер.)

Едва ли стоит подчеркивать, что симметрия затрагивает не все подробности и аспекты моей истории. Различия между этими этапами крайне важны; вообще говоря, если бы будущее было просто зеркальным отражением или повторением прошлого, они не нуждались бы друг в друге, и их органичное единство выродилось бы в простое повторение. Так или иначе, нам не грозит опасность перепутать первый возраст с седьмым или школьника с «тощим паяцем»*. Симметрию еще больше усложняет тот факт, что различные способности достигают высшего расцвета в разное время: физический расцвет обычно на несколько лет опережает интеллектуальный, а мудрость приходит еще позднее. С учетом этих и подобных оговорок (они слиш-

ком осязаемы, чтобы требовать дальнейших описаний), я вправе применить точную и затертую метафору, уподобив свою жизнь мосту²³. Я стою примерно на его вершине и смотрю в обе стороны. С одной стороны я вижу довольно сложный подъем, с другой – довольно простой спуск. Другими словами, я неизбежно теряю то, что с большим трудом приобрел. «Нагим я вышел из чрева матери, и нагим туда вернусь» (Иов. 1:21). Здесь не помогут приятные увертки и эвфемизмы: если я не приму реальность теперь, рано или поздно мне придется ее заметить. Я стою на вершине моста и смотрю вперед; я вижу увядание жизни, распад того, что создано, разрушение, смерть. «Инволюция так же естественна, как и эволюция. Мы постепенно возвращаемся во тьму – так же, как вышли из нее. Игра способностей и органов, этот грандиозный аппарат жизни, мало-помалу возвращается в исходное состояние»²⁴.

Интеллектуальные способности, измеряемые посредством тестов на интеллект, как правило, начинают очень плавно снижаться после 20–25 лет; бдительность начинает быстрее ослабевать в еще более юном возрасте; объем знаний, с другой стороны, остается почти неизменным, начиная с возраста поздней юности до позднего среднего возраста. (См., например, E. L. Thorndike and others, *The Measurement of Intelligence*; C. C. Miles and W. R. Miles, *The Correlation of Intelligence Scores and Chronological Age from Early to Late Maturity*, в: *The American Journal of Psychology*, 1932, pp. 44 ff; D. Wechsler, *The Measurement of Adult Intelligence*.) Впрочем, слишком часто упускают из виду значение качеств, которых эти тесты не измеряют и не могут измерить. По Платону (Республика, 539) и Вордсворту (*Намеки на бессмертие* (*Intimations of Immortality*)), «философский ум» – одно из наиболее поздних жизненных достижений; и, конечно же, он не поддается измерению.

Первое, что возникает, исчезает последним, простая животная жизнь принадлежит нам от рождения до смерти. На простую жизнедеятельность накладываются такие элементарные навыки, как ходьба, способность общаться и питание, которые приобретаются в самом начале и теряются в самом конце жизни. Половые способности, а также сопутствующее им эмоциональное и интеллектуальное напряжение, сохраняются не очень долго. В общем, каждая функция внутри целого имеет свой срок, длительный или довольно короткий. Эти детали [целого] грубоватые и хрупкие, их нельзя уместить в аккуратной маленькой форме; их нужно принимать такими, какие они есть. И все-таки общую закономерность нельзя не опознать. Человек – это палиндром.

5. Смерть в будущем

Симметричность крайних точек этой структуры не вызывает сомнений. Все дороги из моего Теперь ведут вниз во тьму и смерть – смерть находится позади, в прошлом, и впереди, в будущем – две бездны тьмы, которые поглощают человека, как пугающий и таинственный океан. Утроба и могила – факты, которые глупо не замечать и опасно вытеснять²⁵. Они отно-

²³ «Младенец и ребенок, отрок и юноша движутся по восходящей кривой, высшей точкой которой является зрелость. Затем довольно скоро возникают первые признаки старения; и начинается нисходящее движение жизни через старость к смерти. Так же происходит и у животных, но в конкретных деталях больше вариаций, ведь последовательные этапы, особенно восходящий, могут быть заметно длиннее или короче... В первую очередь авторам монографий нужно не подробно описывать тот или иной этап жизни, а, скорее, давать конспективный обзор всей траектории – микрокосма половых клеток, растущего эмбриона, периода юности и игр, юношеского кризиса, периода половой жизни и размножения, силы зрелости, едва заметных начатков старения, явной старости и смерти в различных формах». Geddes and Thomson, *Biology*, pp. 186, 196.* Как вам это понравится. Пер. П. И. Вайнберга. – Прим. пер.

²⁴ Амиэль, *Дневник*, 5 января 1877 г.

²⁵ Крошоу уподобляет их — «Как жизнь и смерть в Тебе. Согласны! Тебе дано и девственное чрево, И Могила. И с тем, и со вторым Иосиф обручен».

сятся к тому любопытному роду вещей, о которых мы одновременно знаем и не знаем, которые принимаем и не принимаем, в которые верим и не верим.

Memento Mori: французская школа, XVIII в.

Часто ли, оказавшись на кладбище, полном могил, я обращаю внимание на тот ужасающий факт, который знаю в безобидной теории, – на разложение, которое происходит у меня под ногами? Стоит признать, что не только в этом случае работает правило «с глаз долой – из сердца вон», но здесь присутствует не только обычная поверхностность или легкомыслие: но и сопротивление. Ни расстояние в несколько футов, ни срок в несколько лет никак не могут уменьшить реальности нашего исчезновения. Гниение этой руки – такой же факт, как и тот, что сейчас она пишет о своем разложении. На самом деле я уже умираю. Пускай казнь откладывается *sine die**, я, как и осужденный преступник, приговорен к смерти, и вскоре мы перестанем отличаться. Не думать об этом патологично. Мы не становимся более живыми, когда меньше думаем о смерти²⁶. То, что вместо старинных надгробий с черепом и словами *memento mori* мы прибегаем к мраморным подделкам работников похоронных бюро – гробовщиков; что вместо кладбищ и склепов у нас есть «сады при колумбарии», где все делается для того, чтобы мы забыли о фактах²⁷, что вместо пронзительной проповеди, напоминающей о смерти и черве, мы произносим очаровательные банальности, подбираемые так, дабы не оскорбить чувств самых

²⁶ Противоположная точка зрения высказывается в статье д-ра Инге в *Contemporary British Philosophy*, 1st Series, pp. 209 ff. У Спинозы есть знаменитый отрывок о том, что свободный человек думает о жизни, а не о смерти (*Этика*, IV. 67). И, конечно, мысли о смерти, которые не улучшают жизни, любая озабоченность просто смертью – прискорбное явление. Но то заблуждение, что смерть не нужна жизни, что жизнь осмысленна без учета смерти, что смерть – неприятная случайность, о которой лучше забыть, еще более прискорбно.

²⁷ Впечатляющее описание, основанное на реальных событиях, можно найти в романе Олдоса Хаксли *И после долгих весен* (*After many a Summer*), в части I, главе 2, и в части II, главе 3. См. также книгу Ивлиана Во: *Незабвенная: англо-американская трагедия*. * *Sine die* (лат.) – на неопределенный срок. – Прим. пер.

утонченных натур, – отнюдь не признак нашего превосходства. Но сентиментальность и суеверия, лилии и аморфные ангелки, невыразительные скульптуры и чудовищные стихи – все это тщетно. Нежелание взглянуть в лицо смерти – тоже смерть; изобильной жизни не присущи такие приступы малодушия. Наше изощренное безразличие – лишь прикрытие глубинной тревоги, исцелиться от которой можно, если мы посмотрим в лицо фактам. И, конечно, под розовой дымкой эвфемизмов скрывается древняя традиция осознания и принятия смерти. У Донна и Блэра есть свои последователи. Многие современные мыслители учат, что пока человек безоговорочно не принял смерть, пока он не живет, обратив взор на неприкрытое зрелище смерти, его жизнь едва можно назвать человеческой. Он не может ни вынести себя, ни понять, не говоря уже о Вселенной²⁸. Смерть, говорит Бердяев, – глубочайший факт жизни, придающий ей смысл; она требует, чтобы жизнь возвысилась до нового уровня. Следует жить так, словно смерть дышит нам в спину²⁹.

Если я узнаю, что умру через час, я, конечно, пойму, что просто существовать – очень необычно: но ведь я и правда могу умереть через час, и не смогу жить бесконечно. Ни в коем случае не стоит сожалеть об этом обстоятельстве: лишь умирающие способны ценить жизнь – «счастливые люди, которые в силах умереть». Если бы вся моя деятельность была не ограниченной во времени, моя жизнь была бы столь же бессмысленной, как пьеса, начала и конца которой не видно. Ограничения – временные и пространственные – гарант ценности: по меньшей мере, для нас событие должно иметь границы, чтобы получить конкретное качество, и такое событие, как мое человеческое «я», – не исключение³⁰. Мое положение иерархического деятеля срединного уровня предполагает определенный срок служения – Мафусаил, Мелхиседек и Тифон не годятся для такой работы. И моя работа в целом зависит от этого срока – на ней стоит печать временного чиновника, девиз которого – слова «сейчас или никогда». На другое я не согласен. Острое переживание жизни неотделимо от горечи смерти³¹, а выхолощенные варианты человеческого бытия не достойны человека. Платон с полным на то правом утверждал, что философия – это практика умирания³².

Олаф Стэплдон (*Philosophy and Living*, pp. 30 ff.) принадлежит к числу тех, кто считает стремление к личному бессмертию признаком юношеского уровня знания. Принятие смертности в конечном итоге дает более надежный покой и большую моральную силу. Совершенно отличную точку зрения можно найти в книге: W. Macneile Dixon, *The Human Situation*, pp. 270 и сл.

Но сейчас меня интересуют факты, а не последствия их непринятия. Я совершенно не отрицаю, что они отталкивают. Никакой метафизический трюк, никакой диалектический поворот, никакая схема – иерархическая или другая – не сможет скрыть мрачность смерти или омерзительность могилы.

²⁸ Героический человек, говорит Уильям Джеймс, «способен *выносить* эту Вселенную. Он может принять ее и не терять веры в нее, хотя видит те же свойства, которые сбивают с ног его более слабых братьев. Он еще способен вдохновиться ею без „страусиной игры в прятки“, благодаря чистой внутренней готовности открыто встречать мир с его устрашающими объектами». *Principles of Psychology*, ii. p. 579.

²⁹ *The Destiny of Man*, pp. 317 ff. В *Бытии и времени* Хайдеггер проводит различие между «подлинной экзистенцией» (которая живет в свете смерти, с героическим и трагическим сознанием бездны несуществования в прошлом и будущем) и «неподлинной экзистенцией» (которая забывает о смерти и теряет себя, отвлекаясь). Человек – это *бытие-к-смерти*, бытие, которое существует, чтобы умереть, сознающее смерть животное, которое делает великим сознание его ничтожности и абсурдности. Это учение, конечно, во многом напоминает Кьеркегора.

³⁰ О связи между ограничением и ценностью см.: Whitehead, *Science and the Modern World*, XI.

³¹ О смерти как о явлении, которое дополняет рождение, которое, ограничивая жизнь, придает ей ценность, см. А. М. Fairbairn, *The Philosophy of the Christian Religion*, pp. 142 ff. Смерть – это утрата жизни, и смерть гарантирует, что есть что терять.

³² Федр, 64.

6. Смерть в прошлом

«Разве человек не умирает уже при рождении?» – говорит Донн³³. Многие вещи, написанные выше, касаются и другой моей смерти – смерти в прошлом. В прежние времена люди были честнее в этом вопросе, хоть и знали меньше. «Когда он еще был в чреслах своего отца» – эти слова были вовсе не живописной метафорой, и об утробе молчали не больше, чем о могиле. Теперь, когда у нас гораздо больше знаний, мы живо ощущаем гораздо меньше вещей. Нам довольно легко представить себя в ранней юности или глубокой старости (эти предпоследние этапы жизни вполне входят в сферу здравого смысла), но мы цензурируем то, что находится дальше. Мы говорим об эмбриологии, но не верим в нее; или если и верим, то применяем ее к другим, а не к себе. Нам нужно осознать эти этапы – это творческая задача, избежать которой невозможно. Я убежден, что «вспоминать» о рождении так же необходимо, как и предвосхищать смерть, и что их нельзя понимать в отрыве друг от друга.

Вполне можно спросить, зачем вообще рождаться? «Мы зреем и зреем, а потом час за часом гнием и гнием». И это вызывает протест. Временное ограничение, которое придает мне определенность и индивидуальность, крайне трудно принять, как бы я ни ценил его преимущества. Ибо я чувствую, что однажды возникнув, обязан присутствовать во все времена³⁴: почему-то большая часть моей души считает, что мое небытие в мире до рождения и после смерти – преступление.

Мое положение неприятно, но еще больше его ухудшает то, что даже в том крохотном интервале жизни, которым я реально обладаю, постоянно появляется нелепость, абсурд³⁵. Жизнь строится на совершенных мелочах и разрушается ими же, она находится целиком под властью иррациональной случайности не меньше, чем простое имущество³⁶ – к слову, многие вещи живут дольше и страдают от форс-мажоров меньше, чем те, кто имеют честь называть себя их владельцами. И они уходят из мира достойнее. Когда я начинаю воспринимать себя слишком всерьез, мне стоит только вспомнить о своем начале. Я говорю не только о комичных сторонах секса. Что определяет встречу чьих-то родителей? Вполне возможно, какая-нибудь ничтожная случайность – неосмотрительный ужин; приступ боли из-за расстройства желудка, перевод нового сотрудника, путешествие на поезде, упавшая газета, порыв ветра: именно от таких мелочей, такой чепухи и очистков ничтожных обстоятельств зависит мое появление на свет. И я неизбежно буду так же бесцеремонно выброшен из жизни. «Пузырек воздуха в крови, капля воды в мозгу, и человек выходит из строя, его механизм распадается на части, его мысль тает, а мир ускользает от него, как утренний сон. На каком тонком волоске висит наше индивидуальное существование...»³⁷ Либо мелочи, благодаря которым я прихожу в этот мир и покидаю его, фантастически несоразмерны моей природе, либо я действительно мало что значу. Так или иначе, они забирают у меня всякое достоинство, даже достоинство образа трагического

³³ Проповедь в Уайтхолле, 8 марта 1621.

³⁴ «Подумай, так же вставало солнце на востоке, а мужчины и женщины были живыми и подвижными, существовали во плоти, и все вокруг было живым. Подумай, было время, когда ни ты, ни я не видели, не чувствовали, не думали, не участвовали в жизни. Подумай, теперь мы живем и участвуем в жизни». Уолт Уитмен, *Мысли о времени* (Пер. Р. Сефа. – Прим. пер.)

³⁵ Я считаю крайне необходимым интерес Камю, Сартра и других авторов-экзистенциалистов к абсурдности человека и его жизни.

³⁶ Эта точка зрения активно проводится в нескольких романах Олдоса Хаксли. В *Контрапункте* Иллидж объясняет, что он в долгу перед бациллами: врач предписывает одному больному мальчику по имени Райт пожить в деревне; соответственно, его отправляют в район, где живет Иллидж, и его готовит к экзамену учитель Иллиджа; последнему позволяют бесплатно участвовать в уроках, благодаря чему он получает стипендию. Иллидж говорит о Райте: «Я бесконечно благодарен ему и расторопным бациллам в его glandax. Если б не они, я бы занялся дядюшкиным делом по починке обуви в Ланкашире. От таких вещей и зависит жизнь человека – от совсем абсурдной случайности, одной на миллион».

³⁷ Амиэль, *Дневник*, 16 ноября 1864 г.

героя. Сухой остаток слишком нелеп, чтобы впечатлить, но слишком печален, чтобы развеселить. Человек – не возвышенная трагедия, но и не низменная комедия.

В романе *Эти опавшие листья* Олдос Хаксли вкладывает в уста одного из своих персонажей такие слова: «Рано или поздно каждая душа задохнется в больном теле; рано или поздно не станет мыслей, только боль, рвота и ступор... Трудно свыкнуться с тем, что однажды плоть подчиняет дух и выжимает из него жизнь, и человек становится не лучше скулящего больного животного. И, конечно, когда заболевает плоть, заболевает и дух. В итоге плоть умирает и разлагается; можно предположить, что разлагается и дух». – Конечно, это лишь часть истины, но часть, которую мы должны научиться принимать.

И я не могу рассчитывать на другую жизнь, которая исправит несуразности этой. Если я не утверждаю, что существовал в качестве человека до рождения, на каком основании я считаю, что буду им после смерти? Воскресение моего тела (или чего-то еще) после смерти к более совершенной форме человеческой жизни кажется мне столь же вероятным, как его существование до зачатия – в виде непостижимого и странного незнакомца, слоняющегося призраком среди предков. Пока я не найду подтверждений обратного, я буду считать, что мое человеческое существование – это данная человеческая жизнь, и только она. Я не могу представить воскресения вируса или одуванчика, моей собаки или оконной мухи, и не вижу оснований, почему человека нужно относить к другой категории³⁸. Моя жизнь коротка – короче, чем жизнь многих моих братьев-животных и растений: это просто факт. Не признавать этого – детский самообман.

7. Смерть в обществе: индивид и сообщество

Признать, что человеческая жизнь коротка, полна случайностей и даже содержит в себе элемент абсурда – значит прислушаться к здравому смыслу. Судьба жестока и слепа, и все создания – ее жертвы. Тем не менее (продолжает здравый смысл) человек является жертвой особого порядка – во-первых, только он один знает, что он жертва; во-вторых, вопреки этому пониманию он самоутверждается, утверждает свою самобытность, целостность. Перед лицом «слез и бед» в этом мире и «Ужаса в тенях»³⁹ в ином мире человек осмеливается с вызовом провозгласить, что его душа непобедима⁴⁰.

Его отказ «пасовать» перед обстоятельствами, а не сами обстоятельства его жизни, – вот что по-настоящему важно.

В утверждении Хенли о том, что человек – господин самому себе, хотя оно и преувеличено, есть некоторое благородство. Но вряд ли оно выдержит детальную проверку. Что такое личность в отрыве от всех прочих личностей? Можно ли бросить вызов Вселенной, когда то, с чем мы спорим – источник нашего дыхания, словно мы самодостаточная, иная, независимая Вселенная? Что в человеке оригинального, что не сводится к влиянию группы? Когда я

³⁸ Некоторые «люди» настолько глупы, что не отдергивают рук от огня, не убегают от приближающегося автомобиля, не могут сами есть. (См. A. F. Tredfold, *Mental Deficiency*, о крайних типах идиотизма). С другой стороны, есть обезьяны Кёлера, пользующиеся орудиями (и даже изготавливающие их), а также шимпанзе, которые могут научиться мастерски кататься на велосипеде и роликовых коньках, не говоря уже о том, что они с удовольствием курят. Что, спрашивая я, заставляет говорить, что первых, несомненно, ждет загробная жизнь, а для вторых она невозможна?

³⁹ Из стихотворения Уильяма Хенли *Непокоренный* в переводе В. Рогова. – *Прим. пер.*

⁴⁰ У.Э. Хенли, по меньшей мере, признавал, что боги могли даровать ему душу, которой они не могут угрожать; а вот Копьеносец А. У. Хаусмана не делал таких уступок «тому зверю и подлецу, что сотворил этот мир»: «И как мне быть с путем неверным/Людей и Бога самого? Я странствую, пронизан страхом, По миру, что создал чужак. Их ждет триумф: любой ценою, Безумцев с сильною рукою. И раз, душа моя, взлететь Не можем мы к иным планетам, Нам нужно следовать чужим Законам их, по мере сил». *Last Poems*, pp. 14 ff. Это подлинная картина ада, в который каждый из нас время от времени попадает: но это ад именно по той причине, что он совершенно не реалистичен, не отвечает фактам.

ищу истоки и плоды моих нынешних занятий и интересов, то понимаю, что они возникли в сообществе и снова растворятся в нем: я умираю в обществе еще при жизни, сегодня, постоянно. «И независимая реальность индивида, если ее исследовать, – в реальности лишь иллюзия. Что такое отдельные люди вне сообщества? Именно общий разум в человеке придает ему реальность, и взятый изолированно он не будет человеком, неважно, кто он еще»⁴¹. Неверно, что если бы я только мог чувствовать, видеть и мыслить сам, без заимствований – я, наконец, сумел бы достичь объективности, свежего, непосредственного, подлинного личного мировоззрения; нет, абсолютно личное мировоззрение – вообще не мировоззрение. Я насквозь пропитан обществом. Мои стандарты вкуса и поведения – что это, как не стандарты данной эпохи и местности, данного биологического вида и сообщества, которые я перенимаю без всякой критики, как и вид своей одежды? Когда я пытаюсь видоизменить эти стандарты, то делаю это ради них; моя цель – сделать их более непротиворечивыми и расширить сферу их применения. Бунтарь – лишь наэлектризованная традиция, тогда как консерватор – традиция в покое⁴². Если какие-то мои утверждения на этих страницах заслуживают внимания, то лишь потому, что принадлежат не мне, но дают слово эпохе с ее тревогами и ограничениями. То, что исходит от частного лица, называют «идиотским» (от греческого слова *idiotes*)⁴³⁴⁴.

Но мои сокровенные побуждения, мои «инстинкты» – может быть, хотя бы они принадлежат мне? Мои поверхностные амбиции и реальная форма моих начинаний – их, несомненно, определяет социальная среда; но мои более глубокие импульсы, более или менее рудиментарные психические силы – на них, наверняка, я могу претендовать? Можно ответить, что, наоборот, именно эти фундаментальные влечения принадлежат роду, и даже глубже, чем род. То, что глубоко – самое типичное; самое фундаментальное является наименее личным. Чем ближе мне мой импульс, тем меньше он принадлежит только мне⁴⁵.

Здравый смысл предлагает другой аргумент. Очевидно, если бы мои родители эмигрировали в Австралию до моего рождения, сейчас я был бы другим человеком, и еще сильнее отличался бы, если бы родители умерли, а меня усыновили люди другой национальности. Но (говорит здравый смысл) неважно на каком континенте, в какой стране, среди какого народа и класса проходило бы мое детство, я все-таки сохранил бы некое сходство с самим собой. Во всяком случае, я являюсь человеком и, помимо этого, имею некоторые неизбежные черты или склонности, которые отличают меня от других людей.

Здесь требуются, скорее, наблюдения, чем аргументы; и, к сожалению, сведений у нас немного, и они неоднозначны. Тем не менее, они существуют. Стоит вспомнить об истории Камалы⁴⁶. Этого потенциально нормального ребенка родителей-индусов, живших в деревне

⁴¹ F. H. Bradley, *Essays on Truth and Reality*, p. 435.

⁴² И, конечно же, традиция сама организована в виде бесконечно разнообразных групповых закономерностей. Приведу лишь один пример: Ф. Трэшер (в своей замечательной книге *Банда*) говорит, что, когда он изучил сотни американских банд, выяснилось, что каждая банда – мир с особым психологическим климатом; и индивиды, изгнанные из банды, не могли адаптироваться к задачам нормальной жизни. Автор делает вывод, что реформы происходят благодаря группе, а не индивиду.

⁴³ Это древнегреческое слово означало, помимо прочего, «частное лицо», «индивида». – *Прим. пер.*

⁴⁴ Одни учат, что кантовские категории привносит общество, другие – что они присущи нам от природы. Я говорю, что верно и то, и другое. Два этих учения реально различаются лишь тем, что первое обращается от индивида к сообществу *в пространстве*, а второе – от индивида к сообществу *во времени*. В любом случае, онтогенетически или филогенетически, индивиду приходится сливаться с обществом: несомненно, мы приобретаем свою человечность «социальным путем», вопрос в том, когда это происходит. Джон Дьюи (напр., *Reconstruction in Philosophy*, p. 140) решительно выступает за социальную природу нашего мышления; впрочем, он не столь радикален, как Дюркгейм (*Formes El mentaires de la Vie Religieuse*, стр. 18), который превращает пространство и время в «коллективные репрезентации» – продукты такого социального опыта, а не его условия.

⁴⁵ Ид (см. *Я и Оно*) Фрейда – одновременно источник нашей инстинктивной энергии и «Оно» – то, что мы обычно помещаем вне своего «я», например, когда говорим: «Я дал волю своим чувствам».

⁴⁶ В книге *Ребенок-волк и ребенок-человек* (*Wolf Child and Human Child*) Арнолд Гезелл излагает эту историю подробно и с фотографиями. Сейчас вряд ли можно считать (как делает Макдугалл, см. *The Energies of Men*, p. 108) такое состояние ребенка с нормальными способностями в случае совершенной оторванности от общества просто выдумкой. Существуют другие задо-

возле Калькутты, в младенчестве (как предполагают) унесла волчица. Так или иначе, примерно через восемь лет девочку нашли – она вошла в волчью стаю, охотясь с волками и деля с ними логово. Ее отловили и девять лет присматривали за нею в приюте, где были все возможности изучить ее поведение. Поначалу она лакала воду и ела по-собачьи. Целыми днями она спала и дремала, а по ночам выходила на охоту, периодически издавая вой, подобно волчице. Она с трудом переносила яркий свет и бегала на четвереньках. Почти во всем она вела себя как животное; сначала единственной ее «человеческой» чертой было строение тела, но даже ее скелетно-мышечная система претерпела серьезные изменения из-за привычки передвигаться на четвереньках. Всего через два года с момента ее поимки (в 1920 г.) и начала перевоспитания выяснилось, что Камала вырвала и съела внутренности курицы, которую до этого выследила и убила. Да, Камала была вовсе не Маугли⁴⁷. И все-таки, похоже, потенциально она была нормальным ребенком.

Конечно, существует много рассказов о других детях, воспитанных вне общества, как древних и мифологических, так и современных и подтвержденных; но я не знаю случая, который был бы описан подробнее случая Камалы. Едва ли можно сомневаться, что на момент поимки она была, скорее, волком, чем человеком. Она усвоила волчью природу почти так же, как усвоила бы человеческую. И этого вполне следовало ожидать. Наблюдательные люди, от Аристотеля⁴⁸ до Юнга⁴⁹, подчеркивают сходство состояний младенца и животного. Потенциально, конечно, младенец – человек, а вот детеныш шимпанзе нет, но это различие реализуется только в сообществе, которое только и делает его актуальным. В терминах Аристотеля как «материя» («индивидуальная» основа, в частности, особое строение мозга), так и «форма» (социальная основа, особенно язык и орудия) – необходимые элементы человеческой природы. Я подобен семени, которое, если его посадят среди дубов, превратится в дуб; а если посадят среди капусты – в примерное подобие капусты – изначально известно только, что если я вырасту, то стану каким-то растением. Человек без других людей – даже не полчеловека: только симметричная Пара, человек-Человечество, выражает человеческое⁵⁰.

кументированные случаи (например, Дина Санитар, ребенок-волк из Сикандры, и Виктор, дикий мальчик из Аверона), но потенциальная нормальность этих детей вызывает больше сомнений. Возможно, самый последний из известных случаев – случай мальчика-бедуина, который питался травой; его нашли в стаде газелей в сирийской пустыне. Дэйли Мэйл от 22 августа 1946 г. опубликовала его фотографию. Не могу судить, насколько правдивы были эти сообщения.

⁴⁷ Эти факты противоречат идее *philosophus autodidactus* (Самосовершенствование человеческого разума (*лат.*) – *Прим. пер.*), измышлению нашего тщеславия: например, в романе XII в., написанном Ибн Туфайлем, герой, брошенный на необитаемый остров совсем ребенком, становится мудрецом и святым, просто созерцая дела Бога. Когда, наконец, он находит Коран, то оказывается, что эта книга лишь подтверждает то, что он уже узнал от природы. Ср. учение Руссо (*Эмил*, IV, *Исповедь веры савойского викария*) о доброте первобытного человека; и вообще романтический миф о благородном дикаре.

⁴⁸ *История животных*, VIII.

⁴⁹ *Contributions to Analytical Psychology*, p. 317: «Ребенок развивается из изначально бессознательного и животного состояния к сознанию; сначала к первобытному сознанию, а затем постепенно ко все более цивилизованному сознанию».

⁵⁰ Профессор Джордж Х. Мид (*Mind, Self and Society*, p. 224 и далее) проводит различие между «частично социальным видением разума» («социальный процесс предполагает разум и в некотором смысле является продуктом разума») и «правильным» его видением, а именно: «разум предполагает социальный процесс и является его продуктом».

Камала

«Человек – это другие люди», – гласит пословица банту. Утверждение о том, что существует только один ум и тело для всех людей, как таковое ошибочно; но столь же ошибочно утверждение, будто существует множество человеческих умов и тел. Аспекты единства и множественности в Паре нельзя разделять, и они не существуют по отдельности. Однако связь между ними нужно активно задействовать и осуществлять: она не возникает автоматически и не является просто данностью.

Мы перебрасываем мост через широкую пропасть между человеком и животным, но именно эта пропасть разделяет верхнего и нижнего члена Пары: это пропасть не между людьми и животными, а между обществом и животными. Единственное принципиальное отличие человека от человекообразной обезьяны состоит в том, что человек – не только человек, он всегда отвергает бытие сугубо человеком: будь он всегда просто человеком, он никогда не был бы собой. «Ничего удивительного, что переход от животного к человеку, от чувства и влечения к разуму и закону казался немыслимым без особого божественного вмешательства до тех пор, пока считалось, что он происходит в каждом индивиде *singulatim*... Однако эти длительные тщетные попытки индивидуализма через науку преодолеть пропасть между человеком и животным – убедительное свидетельство живого единства социального организма. В таком случае каждый становится человеком, будучи членом общества, – через этот объективный ум, присущий всем его членам, а не через некое внешнее влияние». James Ward, *The Realm of Ends*, pp. 123-4. Ср. учение Гегеля о том, что религия – орган народа, или Церкви, или Человечества, а также личности – в той мере, в какой она отождествляется с ними. По-настоящему религиозной и философской природой обладает сообщество: индивид как таковой ею не обладает. Однако в *Феноменологии духа* Гегель все-таки допускает, что некоторые неадекватные формы религиозного опыта могут быть «частными». Несомненно, он делает слишком большой упор на старшем члене Пары, но мы не реже совершаем и противоположную ошибку.

Иными словами, я способен присвоить себе ум и тело Человечества, его категории и органы, они принадлежит мне не по неизбежности, в силу благоприятной необходимости. Я не дорос до человека, пока не вырастил человеческих органов (одежды, орудий, зданий, книг и т. д.) и не вошел в человеческий масштаб – и под «дорастанием» понимается не просто прира-

щение, но развитие вместе с обретением этого более обширного тела и способности умело его применять. Называть ребенка «маленьким человеком» – значит грешить против смысла: ведь он совсем не похож на то гигантское существо вселенского размера, которым ему предстоит стать. Гусеница куда ближе к бабочке, чем младенец – ко взрослому человеку, ее метаморфозы отнюдь не так радикальны. Наши деды, которые высмеивали теорию развития человека со звериного уровня, были правы больше, чем их оппоненты – хотя, несомненно, по ложным причинам. Ибо, во-первых, отдельный человек вообще не поднимается над животной сферой – он остается там. А во-вторых, именно Человечество – то древнее, но юное создание, гигантское тело, которого Дарвин, наверное, не мог и вообразить, и, конечно, не думал изучать – только лишь человек-Человечество достигает уровня человека. И не стоит этому удивляться: какое еще существо обладает физическим строением или сроком жизни, отвечающим такой задаче? И все же мы считаем и, несомненно, еще многие века будем считать, что человек – в качестве отдельного существа – достигает человеческого статуса.

8. Обычай

В таком случае, по-видимому, бесполезно искать во мне, как в отдельном существе, чего-то оригинального или первозданного. Отбросьте то, чем я обязан своим предкам во времени и своим современникам в пространстве, и что останется? По всей видимости, достаточно умелый наблюдатель сможет взять любую мою манеру, телесную особенность, предубеждение или привычку и выявить их двойной источник в социальной матрице. И даже если предположить, что он потерпит неудачу, скажем, натолкнется во мне на некую необъяснимую черту, у которой нет сверх-индивидуальных корней, сможет ли такая черта сыграть роль, которой требует от нее здравый смысл, и в той или иной мере обеспечить мне самодостаточность и оригинальность или восстановить мое господство над своей душой? Конечно, нет; напротив, в этом случае во мне стоит видеть прибежище непредсказуемых и неразумных духов, или демонов, не подотчетных никому, и уже тем более мне. Даже безумцы и те разумнее.

«Во многих регионах ужасным оскорблением считается наступить на тень человека, а в других – выскабывать тюленью шкуру железным ножом, а не кремниевым, считают непростительным грехом. Но будем откровенны. Разве мы не считаем, что неправильно есть рыбу стальным ножом или, если вы мужчина, не снимать шляпу в помещении или приветствовать даму с сигарой во рту?» Jung. *Modern Man in Search of a Soul*, p. 147. Далее Юнг указывает, что швейцарский джентльмен, который «деловито носится по саду, прячет крашенные яйца и расставляет примечательных идолов-кроликов», не понимает смысла своих действий и не догадывается о его странности (p. 173). Ср. Edward Carpenter, *Pagan and Christian Creeds*, p. 195. и James Harvey Robinson, *The Mind in the Making*, pp. 58 ff. У Логана Пирсолла Смита и, конечно, Сэмюэла Батлера есть сходные фрагменты.

Но для здравого смысла все сказанное – просто бесполезная теория: практические вопросы – вот что действительно важно. В конце концов, мы рождаемся не в застывшей, первобытной культуре, находящейся на донаучном уровне, где всевозможные обычаи и суеверия принимаются без вопросов. В целом, разве общество, каким мы его находим, – не разумный воспитатель, одно из важных достоинств которого состоит в том, что он управляет нами лишь с той целью, чтобы, в конечном итоге, мы смогли управлять собой и даже им?

Так, весьма вероятно, скажет здравый смысл. Но что говорят факты? Насколько моя жизнь разумнее, практичнее, чем жизнь дикаря? Он наносит себе увечья? Так же, как и я – острым ножом, каждое утро, при этом в целом я трачу на это несравнимо больше времени и нервов, чем он. Он проводит любопытные обряды, которые может объяснять фантастиче-

ским образом или вообще не объяснять? Несомненно; но как я могу объяснить свое неприятие числа 13, рождественские елки, пасхальные яйца и свечи на день рождения, мое поведение в присутствии лестниц, черных кошек и просыпанной соли? Разве многие футболисты догадываются, что они – новые олицетворения Жизни и Смерти, которые борются за обладание головой мертвого короля, и многие ли патриоты видят на своем флаге стилизованную королевскую пуповину⁵¹? Сохраняя обряды и забывая об их смысле, мы не далеко уходим вперед.

Здравый смысл напоминает мне, что жизнь дикаря очерчивают бесчисленные мелочные и бесполезные ограничения: все нужно делать именно так, потому что так делали всегда. С другой стороны, наши суеверия – всего лишь живописные пережитки, которые всерьез нам не мешают. Опять же, обратимся к фактам. Я прожил полжизни, не скрываясь от людей, но, безусловно, еще не до конца освоил столовый этикет (начиная с того, как есть спаржу, и заканчивая тем, как передавать портвейн), не выучил, как называются стаканы для разных напитков, не научился правильно завершать письмо епископу, не узнал, сколько нашивок носит вице-адмирал и имеет ли он преимущество перед младшим сыном баронета, и тысячи других вещей, не зная которых – почти преступление. Если меня попросят объяснить, почему эти вещи нужно делать именно так и почему их считают такими важными, то я понятия не имею. Почему, черт побери, рыгать – куда менее вежливо, чем сморкаться? Почему на торжествах мы видим именно такой ряд гримас, подергиваний и социальных шумов (таких замысловатых и тонких, что их невозможно освоить) и никакой другой? К чему изощренно притворяться, что наше тело деформировано – к чему притворство, которое поддерживают все и все видят насквозь? И почему у специально выращенных растений мы культивируем органы, о которых крайне осторожно умалчиваем в собственном случае, а затем отрезаем их и используем для украшения стола⁵²? Эволюционный «прогресс» одновременно расширяет и сужает круг объектов, которые воспринимаются организмом. Более развитое животное реагирует разборчивее; а в обществе эта тенденция развивается, проходя еще несколько этапов, еще детальнее предписывая мне конкретное поведение⁵³. Ирония состоит в том, что я считаю, будто у меня меньше табу, чем у дикаря.

Но (настаивает здравый смысл) «наука» дикаря, его представления о причинно-следственных связях, его космология, его инструменты и методы совершенно наивны. Отчасти это иллюзия, отчасти правда. Но давайте не переоценивать себя. Если нас предоставить самим себе, многое ли сможет каждый из нас воспроизвести из этой восхваляемой научной и материальной культуры, какой бы ни была его подготовка? Я очень смутно представляю даже то, как изготавливают это перо, чернила и бумагу. Вообще, взрослые европейцы очень редко знают (например), чем отличается планета от звезды, хотя бы в общем представляют собственное эмбриональное развитие или проявляют интерес к своей нормальной жизнедеятельности какого-либо уровня, кроме человеческого. С другой стороны, по сообщениям, больше трети взрослого населения нашей страны в той или иной мере доверяет гороскопам⁵⁴, и не так давно в США было около 25 000 профессиональных астрологов, не говоря уже о хиромантах и тому подобных⁵⁵. Но нет нужды подчеркивать такой очевидный момент – что, как индивиды, мы

⁵¹ Согласно Дж. Элиоту Смит, все игры с мячом «представляют собой «видоизмененные пережитки соревнований Оси-риса, в которых представители сторон-соперников боролись за мумию царя-бога или его голову, мяч». *Human History*, p. 311. О предполагаемом происхождении флага из пуповины короля говорится на с. 331 и далее той же книги.

⁵² Сэр Томас Браун (*Сад Кипра*, III. 23) говорит об «открытых и видимых семенниках растений», а Фехнер (*Nanna oder das Seelenleben der Pflanzen*), который считал, что овощ – это вывернутое наизнанку животное, замечал, что то, что для этого растения – высшее украшение, постыдно у людей. Фехнер предполагает, что чувственная жизнь, высшая форма жизни, на которую способны растения, в их случае чиста и прекрасна, тогда как в нас она угрожает нашей высшей жизни и поэтому находится под подозрением.

⁵³ Ср. W. B. Hocking, *Human Nature and its Remaking*, p. 177.

⁵⁴ Ср. Дэйли Мэйл от 27 марта 1946 года.

⁵⁵ Robert Eisler, *The Royal Art of Astrology*, p.13.

находимся на донаучном уровне, некоторые из нас почти все время, а большинство – постоянно.

Часто ли христиане задумываются о том, как реагирует образованный китаец или индус, когда он впервые берет в руки псалтырь и читает о Крови, которую мы действительно пьем и в которой омываемся? Но (можно ответить) они не понимают смысла этих слов. Но неужели мы сами никогда не воспринимаем чужих верований и обычаев поверхностно? Эдвард Карпентер в книге *Языческие и христианские верования* (*Pagan and Christian Creeds*, p. 40, 44, 65, 108) говорит много интересного по этому поводу.

Нам скажут, что сознание дикаря состоит из отделов, привязанных к конкретным идеям, и потому он способен на самую дикую непоследовательность. Но разве те из нас, кто открыто говорит о человеческих жертвах, купании в крови и даже о том, чтобы ее пить, не испытывают крайний шок от более мягких «языческих» практик – не говоря уже о тавроболиях и вакхических оргиях? Многие благонамеренные и набожные души не видят противоречий в том, что Бог любви осуждает некрещеных младенцев на вечные муки. Разве не те же личности, которые и за людей-то не считают тех, кто не носит с собой (и не любит этого) устройств для вдыхания паров и не пьет (и не любит этого) разбавленного яда в таком объеме, после которого разве что не падаешь, чаще всего презирают «туземцев» – «туземцев», в чьих церемониях инициации во многих случаях куда меньше произвола и разрушительности? Разве изготовление орудий убийства и пыток (в ущерб даже жизненным потребностям), обучение миллионов людей их применению и их бесстыдная демонстрация – «Солдат открыто носит и даже щеголяет своим орудием мясника»⁵⁶ – во всем согласуется с официальной религией Евангелий? Разве провозглашаемые принципы кротости, бедности и милосердия к врагам ничем не отличаются от реальных принципов бравого эгоизма и благовидной гордости⁵⁷? Пора признаться себе, что едва ли найдется порок, который, стань он достаточно распространенным, не сочтут достоинством; едва ли найдется преступление, которое, если оно совершено как следует, не сочтут служением обществу; едва ли найдется безумство, которое, пока оно буйствует в дозволенных пределах, не сочтут просто здравомыслием.

«Убивать запрещено; поэтому всех убийц наказывают, кроме тех, кто совершает массовые убийства под звуки труб». Вольтер, *Философский словарь*. Искусство: «Война».

Притязание здравого смысла на строгий прагматизм и неприятие неразумности – это и есть вопиющая неразумность, и это еще мягко сказано. Наше человеческое поведение (насколько мы можем видеть его глазами других сообществ и видов) отличается гротескной непрактичностью. Иногда, когда наш ум проясняется, мы вдруг внезапно ощущаем странность своего поведения. Но от традиций никуда не уйти. Разоблачать и отменять условности сразу, как только мы замечаем их иррациональность, часто означает просто менять лучшую условность на худшую. К счастью, «в основном мы принимаем как аксиому то, что невозможно отступить от традиций своего общества, не искалечив своей жизни»⁵⁸.

«Едва ли можно сомневаться, – пишет Ф. К. Б. Шиллер, – что в своей массе люди еще остаются зверолюдьми. Как по взглядам, так и по нравам современный человек по существу еще не отличается

⁵⁶ Sartor Resartus, II. 3.

⁵⁷ Cp. L. T. Hobhouse, *Mind in Evolution*, p. 380.

⁵⁸ Nicodemus, *Renascence*, p. 35. См. Burke (*Reflections on the Revolution in France*): «Многие из наших мыслящих людей, вместо того чтобы развенчивать типичные предрассудки, применяют свою проницательность для раскрытия тайной мудрости, которая обитает в них».

от своих палеолитических предков. Он остается таким же неразумным, импульсивным, эмоциональным, вздорным, разрушительным, жестоким, легковверным существом, каким был всегда. *Tantalus*, p. 39. Разница, говорит Сэмюэл Батлер, состоит в том, что мы *организуем* свое воровство, плотские радости и месть. *Erewhon* XII.

Солдат, который видит в своем полковом знамени только тряпку на конце шеста, не вызывает особого восхищения, – напоминает нам д-р Инге⁵⁹. Стоит внимательно подходить к тому, какие традиции мы разрушаем, ведь, разрушая их, мы разрушаем себя. Здесь перед нами встает реальная и иногда мучительная дилемма – или путь интеллектуальной нечестности и сознательной слепоты, или «судьба тех, кому отказывается почитать своих богов и свою религиозную традицию», путь отлучения от мудрости предков. В этой книге я предпринимаю собственную попытку решить эту дилемму. Но неважно, успешной или неудачной будет эта попытка, факт остается фактом: моя критика собственного мира – производная этого мира, а не независимое мнение его гостя.

И – в том случае, если у меня все-таки остается крупница самости, несчастный фрагмент, который я могу называть своим – в атаку идет психология, где у каждой школы имеется свое оружие. Меня описывают как ходячую энциклопедию особенностей моих предков⁶⁰. Меня сводят к пучку обусловленных рефлексов⁶¹, к результату а) наследственных приобретений, навязанных мне, и б) воздействия среды, которого я не могу выбирать. Я сталкиваюсь с последствиями массового гипноза и внушения – те вещи, которые мне часто говорят, приобретают качество совершенной очевидности. «Поэтому, – говорит Троттер, – когда мы замечаем, что наше мнение опирается на некое качество чувства, предполагающего, что вопрошать о его основаниях абсурдно, совершенно ненужно, невыгодно, нежелательно, что это дурной тон или дурной поступок, можно не сомневаться, что такое мнение – иррационально, и потому, скорее всего, не имеет адекватных подтверждений»⁶². И все-таки именно такие убеждения, а не просвещенный интерес к себе, цементируют общество. Человек ищет комфорта, безопасности, счастья, свободы не столько чтобы выбрать свой путь, сколько чтобы участвовать в поведении, внушенном группой, пусть даже ценой утрат, боли и смерти. «Подчиняться такому внушению – пишет м-р Джеральд Хёрд⁶³, – ощущать, что следуешь этому приказу – слаще самой жизни, любого физического вознаграждения».

К тому же эти навязчивые действия и подавленные импульсы не являются просто (или даже главным образом) внешними. Фрейд открывает, что во мне действует Супер-эго⁶⁴ (и его орудие – Цензор), чья бессознательная и архаичная «мораль» – куда более сурова, чем того требуют внешние условности. Любое достижение человеческого духа – будь то в религии, в искусстве, в спекулятивной мысли и даже (стоит добавить) в самой науке – теоретически можно объяснить как сублимацию инстинктивных порывов или компенсацию за такие отказы от при-

⁵⁹ *Christian Mysticism*, p. 259.

⁶⁰ Так, Юнг пишет: «Любой цивилизованный человек, каким бы ни было его сознательное развитие, на глубинных уровнях своей психики остается архаичным человеком. Как человеческое тело связывает нас с млекопитающими и имеет множество рудиментов, характерных для более ранних этапов эволюции, восходящих даже к эпохе рептилий, так и человеческая психика – плод эволюции, если проследить его до самых истоков, содержит в себе бесчисленные архаические черты. *Modern Man in Search of a Soul*, p. 144.

⁶¹ См. И. П. Павлов. *Условные рефлексy и Лекции об условных рефлексax*, где утверждается, что любое выученное поведение, какy животных, так и у человека, состоит из условных рефлексов.

⁶² *The Instincts of the Herd in Peace and War*, p. 44.

⁶³ *Pain, Sex and Time*, p. 292.

⁶⁴ Обычно считается, что Супер-эго имеет филогенетическую или родовую основу, а также формируется на основе нравственных установок родителей и учителей, которые учат ребенка отличать хорошее поведение от плохого. Оно обретает отчетливые очертания очень рано и является менее податливым, чем поверхностное «сознание». В каком-то смысле (указывает Фрейд) человек куда более нравственен, чем думает.

митивного «инстинкта», которых требует Супер-эго⁶⁵. Незаинтересованная мысль и чувство – миф. Меня несет поток, совершенно мне неподконтрольный, и все мои усилия, которые как будто направлены на борьбу с ним, – всего лишь вихрь внутри потока. Сожаление, решимость, вина и заслуга – того же поля ягоды: они относятся к сфере подобных феноменов. Например: эта книга во многом (а при большом желании, и целиком) представляет собой клинический случай, предопределенную сублимацию отвергнутых бессознательных импульсов, которые пошли по пути наименьшего сопротивления⁶⁶. Поэтому любое притязание на объективность, любое обращение к фактам, а не к мнениям и предрассудкам, изначально выглядит подозрительно.

И потому человек – марионетка, просто кукла, которую потрясая точно описывает Уолт Уитмен —

Шикарно одетый, смеющийся, бравый,
а в сердце у него смерть, а в черепахе ад;
В костюме из тонкой материи, в перчатках, в лентах,
с поддельными розами,
Верный обычаям, он ни слова не говорит о себе,
Говорит обо всем, но никогда – о себе⁶⁷.

– *Песня большой дороги, 13*

9. Физическое постоянство

И действительно, о какой самости, а какой постоянной идентичности может говорить человек? Возьмем это тело. Его материя непрерывно меняется, и едва ли можно говорить, что я обладаю тем же телом, которым обладал час или год назад, не говоря уже о сорока годах.

«Буддист говорит: „Нет ‘одного и того же я’“, т. е. идентичного „я“, даже в течение одной жизни, даже в течение двух дней одной жизни и уж тем более двух последовательных уровней бытия». Mrs. Rhys Davis, *Buddhism*. P. 132.

Я непрерывно отрекаюсь [от себя], меня постоянно сменяют⁶⁸. Я являюсь обедом, на котором первые блюда съедают вторые, а затем снова уступают им место. Нельзя сказать, что я меняюсь с миром местами, чтобы жить; скорее, сама жизнь – это непрерывная перестройка. Смерть – это попытка что-то себе присвоить, пробка на оживленной улице. Моя неспособность быть постоянным – подтверждение успешности моей жизни; а успешное цепляние за вещи – свидетельство моего краха⁶⁹. Прямо сейчас во мне гибнут сонмы клеток; более того, возможно, не все мои ныне живущие клетки – потомки одной оплодотворенной яйцеклетки – мне могли пересадить ткани другого человека.

⁶⁵ См. в особенности работы Фрейда *Будущее одной иллюзии*, *Недовольство культурой*, а также *За пределами принципа удовольствия*, где он отрицает, что в человеке есть стремление к совершенствованию: видимость такого стремления возникает «в силу подавления инстинкта, на котором построено самое ценное в человеческой культуре».

⁶⁶ «Любая психологическая закономерность является предопределенной, и внутри клетки плоти и памяти сборище таких закономерностей свободно не больше, чем отдельные элементы. Говорить о свободе в отношении поступков, которые на самом деле предопределены – безумие». Aldous Huxley. *After Many a Summer*. P. 272.

⁶⁷ Пер. К. Чуковского. – *Прим. пер.*

⁶⁸ Обнаружено, что «меченые атомы» фосфора, азота и т. д. начинают функционировать в белке мозга и мышц через несколько минут после того, как попадают в организм. «В живом организме атомы непрерывно „выходят на обед“... из молекул, частью которых являются, а другие приходят, чтобы занять их место». Joseph Needham, *This Changing World* (Ed. Brumwell), p. 36.

⁶⁹ Можно привести сотни примеров действия закона, по которому благо перестает быть собой, когда мы за него цепляемся. См., например, C.S. Lewis, *Perelandra*, p. 93.

В любом случае, говорит здравый смысл, начиная с яйцеклетки и до настоящего момента в моем физическом существовании не было настоящих разрывов. Все непрерывно меняется – так постоянно пламя, которое всегда остается собой, непрерывно превращаясь. Однако даже в этом можно усомниться. Никто не наблюдает за мной непрерывно, и уж, конечно, я сам не слежу за собой. Бертран Рассел⁷⁰ называет убеждение здравого смысла о постоянстве тел «дерзкой метафизической теорией; объекты присутствуют для чувств не постоянно, и можно сомневаться, существуют ли они, когда мы не видим и не ощущаем их». Разве мое постоянство – это не постоянство для наблюдателя, а какой наблюдатель станет утруждать себя такой задачей?

10. Психическое постоянство – память и цель

И даже если мое постоянство на одном или всех физических уровнях, вопреки сказанному, окажется фактом, этого факта будет недостаточно, чтобы установить ту историчность, или существование самости во времени, которую мне приписывает здравый смысл. Чтобы ее установить (говорит здравый смысл), обратимся к памяти. Некоторые прошлые переживания доступны и теперь, их можно оживить, обратив в опыт настоящего. Такая доступность опыта и его оживление составляют структуру самости во времени. Набор моих личных воспоминаний – возможно, важнейшая часть меня.

«Когда Пол и Питер просыпаются в одной кровати и осознают, что спали, каждый из них погружается в воспоминания и устанавливает связь только с одним из двух потоков мысли, которые приостановились на время сна». James, *Textbook of Psychology*, p. 158.

Но опять же, этот набор всегда находится в процессе смены, и многие воспоминания обрабатываются так быстро, что в принципе не регистрируются. Сравните крошечные остротки памяти с огромным массивом забытых сведений. Считается, что когда я сплю, я вижу сновидения, но я редко запоминаю их; я помню себя не раньше возраста трех лет, и та малость, которую я помню, по большей части банальна и чудовищно неточна. На каждое событие, которое я помню, приходится тысячи забытых. Когда обычная забывчивость уступает место патологической амнезии, и пациент теряет всякую сознательную связь со своим прошлым, возникает еще больше затруднений для самости. Может происходить разделение на две или более «личности», каждая из которых обладает уникальным для нее набором воспоминаний⁷¹.

Но это еще не все. Если телепатия – это в какой-то степени нормальная человеческая способность (а в пользу этого убеждения говорит многое), то нужно пересмотреть представление об «отдельных сознаниях»⁷². По всей видимости, хотя я во многом закрыт для «собственного» опыта, я во многом открыт для «чужого» опыта, непосредственного вторжения, проис-

⁷⁰ *Our Knowledge of the External World*, p. 102. Ср. со словами Уильяма Джеймса: «Величайшим достижением здравого смысла, после открытия единого Времени и единого Пространства, вероятно, является представление о постоянном существовании вещей. Когда погремушка впервые выпадает у ребенка из рук, он не ищет, куда она делась. Не-восприятие он принимает как уничтожение». *Selected Papers on Philosophy*, p. 294; *The Meaning of Truth*, p. 63.

⁷¹ В типичном случае дробление личности на две фазы, сменяющие друг друга, – основную и менее постоянную второстепенную фазу – связано с тем, что у них очень разные цели. В основной фазе пациент забывает, что делает во второстепенной; а во второстепенной фазе обычно помнит то, что делал в основной, но приписывает это другой личности. См. McDougall, *Outline of Abnormal Psychology*, pp. 482, ff; а также, Morton Prince, *Clinical and Experimental Studies in Personality*, где описывается знаменитый случай Бошампа.

⁷² Согласно ассоциативной теории телепатии Уэйтли Карингтона, у нас имеется общее подсознание, общее хранилище бессознательного, и ассоциации, созданные одним человеком, как правило, работают и для другого (*Telepathy*, VI). Отчасти подобные взгляды высказывают Д. Н.У. Тиррелл и Г.Х. Прайс.

ходящего без моего согласия и (как правило) без моего ведома. Во-первых, я присутствую не целиком; во-вторых, не все, что присутствует – мое⁷³.

Здравый смысл предполагает, что забвение и даже вкрапления [чужого сознания] – вполне преодолимые трудности при условии наличия устойчивой цели, высшего предназначения, которое придает цельность жизни человека.

«Тот, кто лишен единой и постоянной общей цели в течение жизни, не может быть всегда одним и тем же человеком», – говорит Марк Аврелий⁷⁴. Но где найти такую цель? Мои теперешние цели кардинально отличаются от юношеских, которые, в свою очередь, кардинально отличаются от мальчишеских, не говоря уже о целях младенца и плода, недоразвитого эмбриона и яйцеклетки. Даже на текущем этапе моего пути трудно сказать, какие задачи объединяют мое профессиональное «я» с моим домашним «я», мое политическое «я» с религиозным и художественным «я»; и какие элементы являются общими в калейдоскопе состояний ума. «Наши настроения не верят друг в друга»⁷⁵. Стоит мне оказаться в других обстоятельствах, и я ощущаю себя «другим человеком»; я теряю свое «обычное, я». Если же, по утверждению Уайтхеда⁷⁶, характер ума должен обладать некоторым сходством с каждым событием, которое он встречает», то мой характер – бескровен и призрачен, разбавлен настолько, что исчезает. Ибо у меня куда больше общего с моими друзьями в настоящем, чем с самим собой двадцатилетней давности. Даже так называемые базовые физические потребности и инстинкты не совершенно постоянны – взгляните, как солдат рискует жизнью, как аскет умерщвляет плоть, как самоубийство уничтожает жизнь. «Мы так привыкли считать свою прошлую самость своей, что нам стоило бы задуматься, насколько она бывает чужой». Мое собственное прошлое, вообще-то, так же несовместимо с моим настоящим, как мое настоящее – с настоящим другого... И мое прошлое не только бывает настолько чужим, что становится мне безразличным, я могу относиться к нему даже с чувством враждебности и ненависти»⁷⁷

⁷³ Юнг (*Psychology and Religion*, pp. 13, ff.) проводит различие между комплексами, вытесненными из сознания, и теми комплексами, которые осознаются лишь тогда, когда вторгаются в сознание под маской навязчивости. Неудивительно, комментирует он, что мы втайне боимся неизведанных опасностей души: наш страх имеет серьезные основания.

⁷⁴ *Мысли*, XI. В таком же ключе Ф.Х. Брэдли говорит, что душа сохраняется «лишь до тех пор, пока сохраняется конкретная цель». *Appearance and Reality*, p. 304.

⁷⁵ Emerson, *Circles*.

⁷⁶ *Religion in the Making*, p. 109. Л.Т. Хобхауз (*Mind in Evolution*, p. 339) заявляет, что это научный факт: бизнесмен, который целый день пытается обыграть своих соперников, – другой человек, чем отец, который вечером играет со своими детьми.

⁷⁷ F. H. Bradley, *op. cit.*, p. 256. Джеральд Хёрд сравнивает такие «перерождения» с метаморфозами насекомых (*The Creed of Christ*, pp. 155, 181). Отом, что обращение нормально (и даже необходимо), см.: William Brown, *Mind and Personality*, p. 262.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.